

Б.А. Красноярова^{1,2}

¹Институт водных и экологических проблем СО РАН, г. Барнаул (Россия)

²Алтайский государственный университет, г. Барнаул (Россия)

**ПРОГРАММНО-ЦЕЛЕВОЙ ПОДХОД В РЕГИОНАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ:
ОТ ЦКП «ЭКОЛОГИЯ» ДО... ПАНДЕМИИ**

Аннотация. В статье названы некоторые этапы/работы реализации программно-целевого подхода в управлении природопользованием и охраной окружающей среды, выполненные при участии и научном руководстве В.С. Ревякина, памяти которого посвящена данная конференция, и Ю.И. Винокурова. Особое внимание уделено последним работам по разработке документов территориального планирования и обсуждению планов развития Барнаульской агломерации. Названы основные проблемы территориального планирования и градостроительства, главным образом в институциональной среде. Приводится взгляд автора на необходимые коррективы агломерирования и городского развития, внесенные пандемией.

Ключевые слова: Алтайский край, программно-целевой подход, природопользование, территориальное планирование, стратегическое развитие, Барнаульская агломерация.

В.А. Krasnoyarova^{1,2}

¹Institute for Water and Environmental Problems SB RAS, Barnaul (Russia)

²Altai State University, Barnaul (Russia)

**PROGRAM-TARGET APPROACH IN REGIONAL RESEARCH:
FROM ECOLOGY Center for Collective Use to ... PANDEMIC**

Abstract. The article identifies some of the stages / work of the implementation of the program-target approach in the management of natural resources and environmental protection, carried out with the participation and scientific leadership of V.S. Revyakin, to whose memory this conference is dedicated, and Yu.I. Vinokurov. Particular attention is paid to the latest work on the development of territorial planning documents and discussion of development plans for the Barnaul agglomeration. The main problems of territorial planning and urban development, mainly in the institutional environment, are identified. The author's view of the necessary adjustments to agglomeration and urban development introduced by the pandemic is given.

Keywords: Altai Territory, program-target approach, nature management, territorial planning, strategic development, Barnaul agglomeration.

Введение

Учитывая тему и основное посвящение нашей конференции, решила посвятить мой доклад своим УЧИТЕЛЯМ географии – Ю.И. Винокурову и В.С. Ревякину, людям, стоявшим у истоков географической школы в Алтайском крае и географического факультета в Алтайском государственном университете. Именно под их руководством я, как и многие другие исследователи – «алтаеведы», пришла в географию. И самые крупные региональные работы были направлены на развитие и внедрение методологии программно-целевого подхода в практику управления природопользованием и охраной окружающей среды. Эти работы в 1980-х годах носили пионерный, поисковый характер не только для Алтайского края, но и для страны в целом, которая начала осознавать важность и сложность вопросов экологии,

отрабатывать алгоритмы их решения и вырабатывать нормативно-правовые нормы территориального планирования и градостроительства с учетом природоохранных ограничений.

Генеральная схема комплексного использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей и ЦКП «ЭКОЛОГИЯ»

Первая работа, в которой я приняла участие под руководством Ю.И. Винокурова и В.С. Ревякина, была «Генеральная схема... в бассейне реки Алей»[4]. Работа большая, интересная, комплексная. В ее разработке принимали участие не только географы ²В.И. Булатов, А.А. Кованова, ведущие почвоведы школы Л.М. Бурлаковой – моего «бессменного» оппонента; биологи Алтайского госуниверситета; специалисты-водники Алтайского тогда еще сельскохозяйственного института, медики-инфекционисты (проф. А.С. Оберт), картографы во главе с В.Л. Гроссом и не только. До сих пор для многих исследователей Алей эта Схема остается по сути энциклопедическим источником информации. Основная изюминка схемы – практически впервые на Алтае реализованный комплексный целевой подход и собственно структура ее наполнения.

Второй опыт реализации программно-целевого подхода к территориальной организации природопользования в Алтайском крае – это программа «Экология» с очень длинным названием [19]. Эта программа была уже четко ориентирована на принятие управленческих решений в области рационализации природопользования и содержала, наряду с природно-ресурсными и отраслевыми блоками/подпрограммами, целый блок «Управление», направленный на согласование интересов отраслей и территорий в этой области. ЦКП «Экология» – первый и, к сожалению, единственный в Алтайском крае программный документ, который получил административную поддержку и сопровождение аппаратом Атайкрайстата. Общий итог выполнения программы оценивался в 30%, но и это дало видимые результаты как с позиции актуализации проблем экологии, так и с позиции их решения. Хочу напомнить, что программа разрабатывалась тогда, когда никаких государственных органов управления в области экологии ни на уровне страны, ни на уровне региона еще не было.

Помимо этого были достаточно масштабные проекты, например, разработка Концепции формирования Южно-Алтайского эколого-экономического региона [1], в которой в качестве приоритетной территории эколого-экономического освоения был назван Белокурихинский рекреационно-оздоровительный район. Далее он получил название и дальнейшее развитие как Белокурихинская лечебно-оздоровительная местность. Но хотелось остановиться на двух последних проектах нашего сотрудничества.

Прежде всего это работы по территориальному планированию, в которых мы принимали участие совместно с коллегами из проектных землеустроительных организаций «Алтай-гипрозем» и «Земпроект» и алтайскими архитекторами из будущего института архитектуры и дизайна АлтГТУ (профессор Поморов С.Б.).

Уроки территориального планирования

Наш опыт связан преимущественно с муниципальным уровнем территориального планирования – разработкой СТП муниципальных образований (МО) административных сельских районов и Генеральных планов сельских поселений Алтайского края. При работе над этими документами вследствие отсутствия единой методической основы наши коллективы столкнулись с рядом трудностей и накопили определенный опыт, который был использован далее при разработке документов терпланирования для иных территорий уже и без нашего участия [9,13].

Подводя итоги этих работ, изложим их в два этапа. Во-первых, обобщив опыт и сложности, с которыми мы столкнулись на этапе разработки первых документов территориально-

² Сразу прошу извинение у всех, кого я не назову в числе авторов. Не от того, что забыла...

го планирования; и, во-вторых, изложив те уроки, что нами получены по прошествии 10 лет от их подготовки и реализации.

На первом этапе, при разработке СТП МО мы столкнулись с рассогласованностью сроков и представлений о развитии территории в разного рода стратегических и градостроительных документах. Работу над СТП МО в Алтайском крае предваряли разработка Стратегии социально-экономического развития (ССЭР) Алтайского края до 2025 г. и СТП Алтайского края. Оба эти документа готовили московские специалисты с привлечением местных экспертов, и они далеко не всегда отражали местные реалии. Разработчиком Стратегии, согласно итогам конкурса стал «РОЭЛ Консалтинг», СТП – ЦНИиП по градостроительству Российской Академии архитектурных и строительных наук. К сожалению, эти два документа не были согласованы ни по срокам исполнения, ни по приоритетам развития, в том числе и территориальным. В то время как, по нашему мнению, в основу разработки СТП Алтайского края должен был быть положен пространственный анализ и картографическая интерпретация основных положений ССЭР с элементами градостроительного решения. Однако разного рода объективные и субъективные причины привели к практически параллельному исполнению данных документов. На отдельных этапах разработка Схемы даже опережала ССЭР.

В итоге Стратегия и Схема (их первые утвержденные версии) недостаточно коррелировали друг с другом, и обозначенные векторы развития не совпадали. Сложность состояла и в относительной закрытости документов. В открытой печати (СМИ и на разных сайтах в Интернете) представлены отдельные фрагменты названных стратегических документов, но постоянного доступа к ним для разработчиков муниципальных схем не было. Отсюда стратегические документы для муниципальных органов разрабатывались в автономном режиме без согласования (вписывания) в общекраевые Концепции. Положение усугублялась еще и тем фактом, что разработка муниципальных схем осуществлялась практически одновременно по всем районам Алтайского края, исполнитель определялся на конкурсной основе и на «рынке» градостроительного проектирования появилось множество игроков, причем далеко не все из них обладали необходимыми навыками и квалификацией. В результате этого, во-первых, нарушались сроки исполнения. Во-вторых, несмотря на наличие методических документов (не утвержденная версия Методических рекомендаций, но на субъектовом уровне), МО получали разнокачественную документацию. И, наконец, в-третьих, одним из важных элементов территориального планирования являлось функциональное зонирование территории, но, к сожалению, границы зон соседних районов и рекомендации по их использованию далеко не всегда совпадали. Хотя в большинстве районов Алтайского края в качестве природной основы комплексной экологической оценки территории, базой для его функционального зонирования служила Ландшафтная карта Алтайского края М: 1:500 000, разработанная в ИВЭП СО РАН и позднее изданная [10]. Это существенно ускорило работы и позволило вне зависимости от состава разработчиков по отдельным МО унифицировать эти документы по всему краю.

Несмотря на типичность ситуации во многих районах Алтайского края, характеризующихся аграрной специализацией, они характеризуются большим разнообразием как по природным условиям, так и по историческому опыту их освоения и развития. Практически в каждом районе были выявлены определенные предприятия – «точки роста», способные в случае успешной реализации их потенциала обеспечить их устойчивое развитие и возможность дальнейшего роста и позитивной трансформации. Среди таких «точек» или «ядер» развития можно назвать ряд птицефабрик и деревообрабатывающих предприятий, предприятий сельхозпереработки и стройиндустрии, конезаводы и животноводческие комплексы.

Второй этап – это этап реализации разработанных схем. Здесь нужно отметить два момента. Прежде всего динамичность нашего времени и необходимость корректировки основных параметров документов территориального / стратегического развития субъекта РФ, т.е. Алтайского края, которые и были осуществлены в 2007 и 2015 гг. [3, 16]. Эти документы, хотя и базируются на первых версиях, но значительно от них отличаются и по уровню проработки, и по параметрам индикаторов социально-экономического развития, и по характеру

представления материалов. Они характеризуются более четкой и жесткой структурой, унификацией форм, но при этом их отличает потеря региональной специфики, что было свойственно документам ТП «первой волны». Принятие откорректированных документов субъекта РФ требовало, с одной стороны, и допускало, с другой, пересмотр аналогичных документов муниципального уровня. Документы ТП могут быть использованы в качестве основания для реализации мероприятий, в них обозначенных, в том числе с привлечением финансовых ресурсов регионального и федерального уровня, национальных проектов, что и реализуется наиболее инициативными (креативными) руководителями низовых уровней власти, но далеко не во всех муниципальных образованиях. Присутствие в СТП муниципальных образований экологической компоненты способствует развитию экологической культуры населения, сельских территорий, прежде всего. Во многих селах были осуществлены мероприятия по благоустройству селитебных территорий, их озеленению; силами местных жителей обустроены памятники природы регионального и местного значения; у детей воспитывается гордость своей малой Родиной и т.п.

Возрождение работ по территориальному планированию сформировало социальный запрос на подготовку и переподготовку специалистов в области ТП и градостроительства, что расширило поле деятельности для специалистов – географов, способствовало ориентации профессионального высшего образования в сторону их участия в реальных процессах управления территорией. Магистры, получившие подготовку по направлению «Территориальное планирование» на географическом факультете Алтайского госуниверситета в настоящее время работают в краевых и муниципальных управлениях по строительству и архитектуре, в проектных и т.п. организациях.

Барнаульская агломерация: потенциал развития в условиях пандемии

И, наконец, последняя совместная работа, которая была инициирована В.С. Ревякиным, но так и не получила логического завершения [8]. Это обоснование развития Барнаульской городской агломерации, которая, на наш взгляд, «де-факто» существует с 1980-х годов, и включала наряду с Барнаулом и его сельским окружением город – спутник Новоалтайск. Барнаул был создан около 300 лет назад и уже около 100 лет является полифункциональным центром регионального развития с разветвленной экономической структурой и развитой инфраструктурой – социальной, транспортной, рыночной. Его границы определялись административными границами Барнаульского городского совета, включающего наряду с собственно городом еще и ряд городских и сельских поселений. Новоалтайск же молодой город, получил статус города в 1942 г. Он развивался как город-спутник Барнаула, сначала как крупный железнодорожный узел, а затем – полифункциональный индустриальный центр с развитыми вагоностроением и стройиндустрией. Кроме того, он обеспечивает ряд административно-управленческих инфраструктурно-обслуживающих (производственных и социальных) функций для своего городского (р.п. Белоярск и Новогорский) и сельского окружения, являясь одновременно центром Первомайского района.

«Де-юре» существование Барнаульской городской агломерации было узаконено соглашением от 14 октября 2009 года [18]. В ее состав вошли городские округа Барнаула и Новоалтайска, Первомайский район. Основные параметры агломерации на момент создания таковы: общая численность Барнаульской агломерации на начало 2010 г. составляла 776 тыс. человек; площадь – около 4,6 тыс. кв. км (Барнаул – 93,9; Новоалтайск – 8; Первомайский район – 359, 9 тыс. га); 40–45% промышленного производства края; более 40% инвестиций края в основной капитал; около 70% основных фондов организаций края; более 65% объема розничной торговли и предоставляемых населению услуг [18]. За прошедшие годы некоторые численные параметры изменились, а вот пропорции остались те же и по объему промышленного производства, и по доле инвестиций, сосредоточенных в агломерации, и т.п.

В числе критериев формирования городских агломераций, как правило, называют: – наличие прочных экономических связей между населенными пунктами;

- устойчивая «маятниковая миграция», регулярное перемещение жителей из одного населенного пункта в другой и обратно, например, на работу и учебу;
- единые потребительские рынки, рынки труда [11].

Барнаульская агломерация вполне соответствует названным критериям. Между городами Барнаул и Новоалтайск сложились тесные экономические связи и в производственной сфере, например, вагоностроение (г. Новоалтайск) и вагоноремонт (г. Барнаул), в стройиндустрии, в организации транспортно-логистических связей. Маятниковой миграцией по данным администраций Алтайского края и города Новоалтайска, а также расчетам консалтинговой компаний ООО «РОЭЛ-Консалтинг Регион» охвачено, как минимум 20% трудоспособного населения г. Новоалтайска. Можно предположить, что еще около 10% маятниковых мигрантов – жителей Первомайского района – также работает на предприятиях краевого центра. Жителей Барнаула, работающих в г. Новоалтайске и Первомайском районе значительно меньше, но и они имеются, о чем свидетельствует трафик автомобилей и автобусов в часы пик. И, наконец, последнее – единство социальной и рыночной инфраструктуры, которое охватывает не только потребительские товарные и финансовые потоки, сервисные услуги, в том числе в области образования и здравоохранения, но и рынки недвижимости – жилой и производственной. Важным признаком функционирования Барнаульской агломерации является и создание новых поселков на межселенных территориях Первомайского района, и существенное изменение внешнего облика пригородных сел и садоводческих кооперативов, особенно с принятием законодательных актов, закрепляющих возможность постоянного проживания и регистрации на их территории.

За последующие годы состав Барнаульской агломерации расширился. Так, 9 июля 2019 года главы краевой столицы и Павловского района подписали Соглашение о вхождении Павловского района в Барнаульскую агломерацию в ходе заседания Межмуниципального Совета Ассоциации «Барнаульская агломерация». Поднимался вопрос и о включении в состав агломерации Тальменского и Калманского района, но его решение было отложено.

Названная Ассоциация «Барнаульская агломерация интеграционного развития территорий» была создана в ноябре 2012 г. для координации проектов агломерации. Однако трудно представить организацию какой-либо координации учреждением с практически нулевым балансом [9]. Очень расплывчаты функции и возможности этой Ассоциации.

При этом в институциональной сфере в функционировании агломерации, вернее административных единиц в ее составе, практически ничего не изменилось, несмотря на все дискуссии вокруг ее создания и внешних границ. Не решает накопившиеся вопросы и названная выше Стратегия пространственного развития, принятая в 2019 г. [15]. И дело здесь не столько в самом объекте агломерирования, сколько в наличии, вернее отсутствии, нормативно-правового и экономического инструментария для него. В настоящее время можно выделить как минимум три лакуны российского законодательства, сдерживающие развитие городских агломераций, как новых форм пространственной организации экономики и населения страны.

Во-первых, за прошедшие годы так и не появились подзаконные акты, регулирующие вопросы землепользования на территории агломерации. В Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации" [17], регулирующем развитие любого населенного пункта (города, поселка), отсутствует понятие «городская агломерация» и не приводится их определения, равно как не указывается, что является территориальной основой их функционирования. Точно также и Градостроительный кодекс РФ [5], и Земельный кодекс РФ [7] называют в качестве субъектов землепользования городские и сельские населенные пункты и пригородные зоны, не сопоставляя их с территорией муниципальных образований. Оба эти кодекса не разъясняют законодательно понятия «городское» и «сельское поселение», не проводят четкой границы в их значениях. Более того, законодательно также не регулируется понятие «пригородная зона». Согласно Земельному Кодексу РФ пригородная зона не может являться по муниципаль-

но-правовому статусу городским поселением, что создает препятствия для развития городской территории и формирования городских агломераций.

Во-вторых, система управления городской агломерации допускает развитие трех сценариев. Это – расширение границ основного города и передача ему основных функций управления; сохранение статуса всех МО, входящих в состав агломерации и согласованное разрешение общих проблем путем осуществления различных форм межмуниципального сотрудничества; создание единой агломерационной системы управления органами государственной власти, которая и осуществляет координацию деятельности всех МО, находящихся в зоне агломерации [6]. Каждый из названных сценариев возможен, но не достаточно обеспечен существующей муниципально-правовой базой для реализации.

Третья лакуна связана с особенностями формирования бюджетов разного уровня, одним из основных источников которых являются налоги на недвижимость, которые и финансируют публичные расходы (создание и развитие городской инфраструктуры, формирование комфортной городской среды). В России налоги на недвижимость разделены и по объектам налогообложения (земля и здания), и по типу налогоплательщика (граждане или организации), и по уровням бюджетов, в которые они поступают. Земельный налог и налог на имущество физических лиц поступают в местные бюджеты, а налог на имущество организаций – в региональные. Отсюда городская инфраструктура напрямую формируется за счет земельного налога (правообладателем является муниципалитет населенного пункта) и налога с физических лиц – жителей данного города, тогда и ее развитием руководят власти центрального города, и исходят из интересов своих горожан, которые эти власти и выбрали. Интересы приезжих, в том числе и жителей других муниципалитетов в составе агломерации, учитываются только в той степени, в какой они влияют на эффективность работы инфраструктуры и в какой совпадают с интересами местных жителей. Это нарушает общественную стабильность и для снижения социальных рисков необходимо привлечение средств региональных или федеральных бюджетов, что не всегда возможно.

Таким образом, агломерационные процессы даже в рамках принятой Стратегии пространственного развития могут остаться на уровне деклараций. Каждый из муниципалитетов будет действовать в рамках собственных интересов без объединяющей их институциональной инфраструктуры, действующей в интересах всей агломерации, так как формирование и функционирование такой инфраструктуры до сих пор законодательно не прописаны.

И, наконец, последнее, на чем хотелось бы остановиться, это уроки пандемии, которые с одной стороны далеко продвинули нас по пути цифровизации экономики, показали возможности дистанционного обслуживания, обучения, работы в удаленном режиме для определенных категорий работающих, но... выявили и определенные издержки градоустройства и территориального планирования. Статистика продвижения короновируса показала, во-первых, наивысшую активность проявления и выявления в региональных центрах с высокой плотностью расселения, и, во-вторых, нерациональность системы организации регионального здравоохранения. Проведенная «оптимизация» сельского здравоохранения показала его абсолютную неспособность справиться с растущей заболеваемостью и необходимостью оказания высококвалифицированной и технологичной медицинской помощи. В ряде регионов наряду с перепрофилированием отдельных больниц в ковидные госпитали строили полевые госпитали или оборудовали их в приспособленных помещениях. В этой ситуации в лучших условиях оказались жители небольших городов и городских поселков – объектов субурбанизации, где лучше, чем в сельской местности, налажен быт и проще, чем в городских «джунглях», соблюдать социальную дистанцию, названную в числе основных карантинных мер. В этих условиях усилилась и барьерная функция границ, причем не только государственных, но и межрегиональных и даже межмуниципальных. В этот период вспомнили не только об агломерационных эффектах, прописанных в Стратегии, но и об издержках агломерирования, о которых до того скромно умалчивали. Это, прежде всего, ухудшающееся качество окружающей среды в крупном городе/агломерации, рост стоимости городской земли, уплотнительная застройка, автомобильные пробки и др.

Продолжающаяся пандемия заставляет по-новому взглянуть на вопросы агломерирования, не столько отказаться от этих тенденций, сколько переоценить принципы и возможности их создания, применяя методологию программно-целевого планирования и ее дальнейшее развитие – в стратегическом управлении, обозначив в качестве цели рост качества жизни населения и обеспечения равных условий для жителей центра и периферии агломерационного пространства, разработав программу ее достижения с четкими индикаторами и направлениями развития и экономическими механизмами их достижения. В данной программе необходимо четко определить долгосрочные цели и миссию развития каждого субъекта агломерации – поселения и административного района/муниципалитета, описав все предпочтения и условия их получения в случае следования в рамках общеагломерационной стратегии пространственного развития и соблюдения градостроительных норм и правил землеустройства, в том числе с учетом корректив, которые безусловно внесет нынешнее «модное заболевание».

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Винокуров Ю.И., Красноярова Б.А., Логинов А.Н., Ревякин В.С. Концепция формирования эколого-экономического региона // Проблемы региональной экологии. – Вып. 2. Региональное природопользование. – Томск, 1994. – С. 44-48.
2. Волчкова И.В., Минаев Н.Н. Методологические основы управления формированием и развитием агломераций // Проблемы современной экономики. – 2014. – № 1. – С. 124–131.
3. Внесение изменений в Схему территориального планирования Алтайского края. 2 тома. Санкт-Петербург – Барнаул, 2015 г.
4. Генеральная схема комплексного использования, воспроизводства и охраны природных ресурсов бассейна р. Алей. – Барнаул, 1986.
5. Градостроительный кодекс Российской Федерации. Принят Государственной Думой 22 декабря 2004 г. Одобрен Советом Федерации 24 декабря 2004 г.
6. Гриценко Е.В. Городские агломерации: в поисках оптимальной модели территориальной организации (сравнительно-правовой анализ). URL: <http://отраслиправа.рф/article/1430>
7. Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 N 136-ФЗ (с изм. и доп., вступ. в силу с 10.01.2021).
8. Красноярова Б.А., Кротов А.В., Ревякин В.С. Барнаульская агломерация: де-факто и де-юре // Географические исследования Сибири и сопредельных территорий. Материалы Международной географической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения академика Владимира Васильевича Воробьева. – Иркутск: Институт географии им. В.Б. Сочавы СО РАН, 2019. – С. 303-304.
9. Красноярова Б.А., Ревякин В.С., Сизова Г.Я. Уроки территориального планирования на Алтае // Географические основы и экологические принципы региональной политики природопользования. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти члена-корреспондента РАН А.Н. Антипова. – 2019. – С. 867-870.
10. Ландшафтная карта Алтайского края [Карты] / науч. ред. Ю.И. Винокуров; сост. Ю.И. Винокуров, Ю.М. Цимбалей; тех. ред. Л.Ф. Лубенец, С.В. Циликаина, Н.Ю. Курепина. – Масштаб 1:500 000. – Барнаул: ИВЭП СО РАН, 2016. – 2 л.
11. Лаппо Г.М., Полян П.М., Селиванова Т.И. Агломерации России в XXI веке // Вестник Фонда регионального развития Иркутской области. – 2007. – № 1. – С. 45–52.
12. Отчетность организации АССОЦИАЦИЯ "БАРНАУЛЬСКАЯ АГЛОМЕРАЦИЯ". 2019. URL: <https://www.list-org.com/company/7328857/report> (дата обращения 10 февраля 2021)
13. Перцик Е.Н. Районная планировка (территориальное планирование): учеб. пособие для студентов ВУЗов. – М.: Гардарики, 2006. – 398 с.

14. Правила землепользования и застройки городского округа – г. Барнаула Алтайского края // Решение городской Думы от 9 октября 2012 г. №834. URL: http://base.garant.ru/7344237/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?_utl_t=vk#friends
15. Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года. Утверждена Распоряжением Правительства РФ № 207-р от 13.02.2019 г.
16. Стратегия социально-экономического развития Алтайского края (актуализированный вариант). Одобрена постановлением Администрации Алтайского края от 28.12. 2007 № 622.
17. Федеральный закон от 6 октября 2003 г. N 131-ФЗ "Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации".
18. Химочка В.С. Барнаульская агломерация как форма межмуниципального взаимодействия территорий // Экономика. Профессия. Бизнес. – 2018. – №1. – С. 86-89. URL: journal.asu.ru/ec/article/download/201814/2930
19. Целевая комплексная программа «Территориальная организация рационального природопользования и охраны природы в условиях развития производительных сил Алтайского края в 1986–2000 годах» (ЦКП «Экология»). – Барнаул, 1987.

REFERENCES

1. Vinokurov Yu.I., Krasnoyarova B.A., Loginov A.N., Revyakin V.S. Konceptija formirovaniya jekologo-jekonomicheskogo regiona [The concept of the formation of an ecological-economic region]. *Problemy regional'noj jekologii. Vyp. 2. Regional'noe prirodnopol'zovanie* [Problems of regional ecology. Issue 2. Regional nature management]. Tomsk, 1994. pp. 44-48.
2. Volchkova I.V., Minaev N.N. Metodologicheskie osnovy upravlenija formirovanijem i razvitiem aglomeracij [Methodological foundations for managing the formation and development of agglomerations]. *Problemy sovremennoj jekonomiki*, 2014, no. 1, pp. 124-131.
3. *Vnesenie izmenenij v Shemu territorial'nogo planirovanija Altajskogo kraja*. 2 toma [Amendments to the Spatial Planning Scheme for Altai Krai. 2 volumes]. St.Petersburg-Barnaul, 2015.
4. *General'naja shema kompleksnogo ispol'zovanija, vosproizvodstva i ohrany prirodnyh resursov bassejna r. Alej* [General scheme of integrated use, reproduction and protection of natural resources of the river basin Alei]. Barnaul, 1986.
5. *Gradostroitel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii*. Prinjat Gosudarstvennoj Dumoj 22 dekabnja 2004 g. Odobren Sovetom Federacii 24 dekabnja 2004 g. [Urban planning code of the Russian Federation. Adopted by the State Duma on December 22, 2004. Approved by the Federation Council on December 24, 2004].
6. Gritsenko E.V. *Gorodskie aglomeracii: v poiskah optimal'noj modeli territorial'noj organizacii (sravnitel'no-pravovoj analiz)* [Urban agglomerations: in search of an optimal model of territorial organization (comparative legal analysis)]. Available at: <http://industry-prava.rf/article/1430> (accessed 10 February 2021).
7. *Zemel'nyj kodeks Rossijskoj Federacii ot 25.10.2001 N 136-FZ* (s izm. i dop., vstup. v silu s 10.01.2021) [Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 N 136-FZ (as amended and supplemented, entered into force on 10.01.2021)].
8. Krasnoyarova B.A., Krotov A.V., Revyakin V.S. Barnaul'skaja aglomeracija: de-fakto i de-jure [Barnaul agglomeration: de facto and de jure]. *Geograficheskie issledovanija Sibiri i sopredel'nyh territorij. Materialy Mezhdunarodnoj geograficheskoj konferencii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija akademika Vladimira Vasil'evicha Vorob'eva* [Geographic studies of Siberia and adjacent territories. Materials of the International Geographical Conference dedicated to the 90th anniversary of the birth of Academician Vladimir Vasilyevich Vorobyov]. Irkutsk, Institute of Geography V.B. Sochavy SB RAS Publ., 2019. pp. 303-304.
9. Krasnoyarova B.A., Revyakin V.S., Sizova G.Ya. Uroki territorial'nogo planirovanija na Altae [Rocks of territorial planning in Altai]. *Geograficheskie osnovy i jekologicheskie principy re-*

gional'noj politiki prirodopol'zovanija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhennoj pamjati chlena-korrespondenta RAN A.N. Antipova [Geographical bases and ecological principles of regional policy of nature management. Materials of the International Scientific and Practical Conference dedicated to the memory of RAS Corresponding Member A.N. Antipov]. 2019. pp. 867-870.

10. *Landshaftnaja karta Altajskogo kraja* [Landscape map of Altai Territory]. Scientific. ed. Yu.I. Vinokurov; comp. Yu.I. Vinokurov, Yu.M. Tsimbali; those. ed. L.F. Lubenets, S.V. Tsilikina, N.Yu. Kurepina. Scale 1: 500 000. Barnaul, IVEP SB RAS, 2016. 2 p.

11. Lappo G.M., Polyani P.M., Selivanova T.I. Aglomeracii Rossii v XXI veke [Agglomerations of Russia in the XXI century]. *Vestnik Fonda regional'nogo razvitiya Irkutskoj oblasti*, 2007, no. 1, pp. 45–52.

12. *Organizacija ASSOCIACIJa "BARNAUL"SKAJa AGLOMERACIJa* [Organization reporting ASSOCIATION "BARNAUL AGGLOMERATION"]. 2019. Available at: <https://www.list-org.com/company/7328857/report> (accessed 10 February 2021).

13. Pertsik E.N. *Rajonnaja planirovka (territorial'noe planirovanie)* [District planning (territorial planning)]. Moscow, Gardariki Publ., 2006. 398 p.

14. Pravila zemlepol'zovanija i zastrojki gorodskogo okruga – g. Barnaula Altajskogo kraja [Rules for land use and development of the urban district - the city of Barnaul, Altai kraj]. *Reshenie gorodskoj Dumy ot 9 oktjabrja 2012 g. №834* [Decision of the City Duma of October 9, 2012 No. 834]. Available at: http://base.garant.ru/7344237/53f89421bbdaf741eb2d1ecc4ddb4c33/?_Utl_t=vk#friends (accessed 10 February 2021).

15. *Strategija prostranstvennogo razvitiya Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda. Utverzhdena Rasporjazheniem Pravitel'stva RF № 207-r ot 13.02.2019 g.* [Strategy of spatial development of the Russian Federation for the period up to 2025. Approved by the Order of the Government of the Russian Federation No. 207-r dated 13.02.2019].

16. *Strategija social'no-jekonomicheskogo razvitiya Altajskogo kraja* (aktualizirovannyj variant). Odobrena postanovleniem Administracii Altajskogo kraja ot 28.12. 2007 № 622. [Strategy of socio-economic development of the Altai Territory (updated version). Approved by the resolution of the Administration of the Altai Territory dated 28.12. 2007 No. 622].

17. *Federal'nyj zakon ot 6 oktjabrja 2003 g. N 131-FZ "Ob obshhix principah organizacii mestnogo samoupravlenija v Rossijskoj Federacii"* [Federal Law of October 6, 2003 N 131-FZ "On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation"].

18. Khimochka V.S. Barnaul'skaja aglomeracija kak forma mezhmunicipal'nogo vzaimodejstvija territorij [Barnaul agglomeration as a form of inter-municipal cooperation]. *Jekonomika. Professija. Biznes*, 2018, no. 1, pp. 86-89. Available at: journal.asu.ru/ec/article/download/201814/2930 (accessed 10 February 2021).

19. *Celevaja kompleksnaja programma «Territorial'naja organizacija racional'nogo prirodopol'zovanija i ohrany prirody v uslovijah razvitiya proizvoditel'nyh sil Altajskogo kraja v 1986–2000 godah» (CKP «Jekologija»)* [Target complex program "Territorial organization of rational nature management and nature protection in the conditions of the development of productive forces of the Altai Territory in 1986 - 2000" (CCE "Ecology")]. Barnaul, 1987.

Информация об авторе:

Красноярова Бэлла Александровна, доктор географических наук, профессор, заведующая лабораторией ландшафтно-водноэкологических исследований и природопользования, Институт водных и экологических проблем СО РАН, 656038, г. Барнаул, ул. Молодежная, 1; профессор кафедры экономической географии и картографии, Алтайский государственный университет, 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61. E-mail: bella@iwep.ru

Bella A. Krasnoyarova, Dr. Sc., professor, Head of the Laboratory of Landscape-Water-Ecological Research and Nature Management, Institute for Water and Environmental Problems SB RAS, 1, Molodezhnaya street, Barnaul, 656038, Russia; professor at the Department of Economic Geography and Cartography, Altai State University, 61, Lenin avenue, Barnaul, 656049, Russia. E-mail: bella@iwep.ru